

И. С. Тургенев

Встреча моя с Белинским

(Письма к Н. А. Основскому)

В. Г. Белинский в воспоминаниях современников

Вступит. статья К. И. Тюнькина. Примеч. А. А. Козловского и К. И. Тюнькина. М., "Худож. лит.",

1977.

Серия литературных мемуаров.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Я познакомился с Белинским в конце 1842 года, в С.-Петербурге¹. Он жил тогда в доме Лопатина, у Аничкова моста. Меня привел к нему наш общий знакомый З<иновьев>. Я много слышал о нем и очень желал познакомиться с ним, хотя некоторые его статьи, написанные им в предыдущем (1841) году, возбудили во мне недоумение². Я увидел человека небольшого роста, сутуловатого, с неправильным, но замечательным и оригинальным лицом, с нависшими на лоб белокурыми волосами и с тем суровым и беспокойным выражением, которое так часто встречается у застенчивых и одиноких людей; он заговорил и закашлял в одно и то же время, попросил нас сесть и сам торопливо сел на диване, бегая глазами по полу и перебирая табакерку в маленьких и красивых ручках. Одет он был в старый, но опрятный байковый сюртук, и в комнате его замечались следы любви к чистоте и порядку. Беседа началась. Сначала Белинский говорил довольно много и скоро, но без одушевления, без улыбки, как-то криво приподнимая верхнюю губу, покрытую подстриженным усом; он выражался общими, принятыми в то время в литературном кругу, местами, отзывался с пренебрежением о двух-трех известных лицах и изданиях, о которых и упоминать бы не стоило; но он понемногу оживился, поднял глаза, и все лицо его преобразилось. Прежнее суровое, почти болезненное выражение заменилось другим: открытым, оживленным и светлым; привлекательная улыбка заиграла на его губах и засветилась золотыми искорками в его голубых глазах, красоту которых я только тогда и заметил. Белинский сам навел речь на то настроение, под влиянием которого он написал свои прошлогодние статьи, особенно одну из них, и, с безжалостной, преувеличенной резкостью осудив их, как дело прошлое и темное, беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях³. Я с намерением употребил слово: беззастенчиво. Белинский не ведал той ложной и мелкой щепетильности эгоистических натур, которые не в силах сознаться в том, что они ошиблись, потому что им их собственная непогрешимость и строгая последовательность поступков, часто основанные на отсутствии или бедности убеждений, дороже самой истины. Белинский был самолюбив, но себялюбия, но эгоизма в нем и следа не было; собственно себя он ставил ни во что: он, можно сказать, простодушно забывал о себе перед тем, что признавал за истину; он был живой человек -- шел, падал, поднимался и опять шел вперед как живой человек. Спешу прибавить, что падал он только на пути умственного развития: других падений он не испытывал и испытать не мог, потому что нравственная чистота этого -- как выражались его противники (где они теперь!) -- "*циника*" была поистине изумительна и трогательна; знали о ней только близкие его друзья, которым была доступна внутренность храма.

Белинский встал с дивана и начал расхаживать по комнате, понюхивая табачок, останавливаясь, громко смеясь каждому мало-мальски острому слову, своему и чужому. Должно сказать, что, собственно, блеску в его речах не было: он охотно повторял одни и те же шутки, не совсем даже замысловатые; но когда он был в ударе и умел сдерживать свои нервы (что ему не всегда удавалось: он иногда увлекался и кричал), не было возможно представить человека более красноречивого, в лучшем, в русском смысле этого слова: тут не было ни так называемых цветов, ни подготовленных эффектов, ни искусственного закипания, ни даже того опьянения собственным словом, которое иногда принимается и самим говорящим и слушателями за "настоящее дело"; это было неудержимое излияние нетерпеливого и порывистого, но светлого и здорового ума, согретого всем жаром чистого и страстного сердца и руководимого тем тонким и верным чутьем правды и красоты, которого почти ничем не заменишь⁴. Белинский был именно тем, что